

Русские женщины — эпизод 10 из 17

Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельной сражение,
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решение!
Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: Сумасшедшая дочь!
И вышел; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом: но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить

Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволение;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...
Волнение
Меня охватило. Я еду! Давно
Так радостно сердце не билось...
Я еду! я еду! Теперь решено!..
Я плакала, жарко молилась...
В три дня я в далекий мой путь собралась,
Всё ценное я заложила,
Надежную шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!
И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...
А он улыбался: не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...
С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,

Я встретила утро...
Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.
Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: Я умерла для семьи,
Всё милое, всё дорогое
Теряю... нет счета печальных потерь!..
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица,
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. Ну, господь вас храни!
Сказала я, братьев цалуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
Смотри! через год возвращайся домой,
Не то прокляну!..
Я упала...

Довольно, довольно объятий и слез!
Я села и тройка помчалась.
Прощайте, родные! В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась,
И мчалась без отдыха с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде.⁴ Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,⁵
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам по сказанью поэта
Цвет южного неба в очах принесла.⁶
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И северной звали Коринной...
Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! все будет во вкусе твоём,
Друзья у меня не повесы.
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы...
И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Внимание Москвы занимали:

Едва огласилось решение суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, понятное дело!